

Сегодня император планировал провести в дворце церемонию жертвоприношения, на которую были приглашены все чиновники, как гражданские, так и военные, вместе с их семьями. Императрица, императорский супруг, а также единственные три наложницы из заднего дворца также должны были присутствовать.

Редкая возможность увидеть истинный облик императорского гарема, а также слухи о красоте императорского супруга, распространившиеся после великого дворцового собрания, вызвали у многих женщин любопытство к этой загадочной церемонии. Они намеревались использовать этот шанс, чтобы расширить кругозор и накопить материал для будущих разговоров.

Именно поэтому, когда Оуян прибыл на Алтарь Солнца на паланкине, он ещё до того, как ступил на землю, был поражён количеством женщин на трибуне для зрителей.

На этот раз трибуна не была разделена на секции для гражданских и военных чиновников, а лишь разделила мужчин и женщин: мужчины на востоке, женщины на западе.

Императрица и три наложницы находились на стороне женщин, а Оуяна проводили на сторону мужчин, где стояли гражданские и военные чиновники, и он занял место в первом ряду.

Как только Оуян сошёл с паланкина, на женской трибуне сначала раздались взрывы восклицаний, а затем началось жужжание, словно рой пчел. Казалось, все они были настолько поражены внешностью Оуяна, которая превосходила даже слухи, что забыли о правилах приличия.

В отличие от Оуяна, который появился с опозданием, императрица и три наложницы уже заняли свои места, прибыв раньше, чем некоторые женщины из семей чиновников.

До появления Оуяна многие дамы считали, что императорский гарем был слишком скудным: мало людей, да и внешность их оставляла желать лучшего. Красота трёх наложниц была лишь средней, а императрица больше выделялась своим характером, чем внешностью, что вызывало скорее уважение, чем желание сблизиться. И император, который выбрал такую императрицу и таких наложниц, вызывал у женщин жалость — ведь даже будучи правителем, у него не было рядом ни одной настоящей красавицы, что было хуже, чем у их собственных мужей, стариков или сыновей...

Однако, как только Оуян появился, объектом сочувствия женщин стали императрица и наложницы — с таким драгоценным камнем перед глазами, как императорский супруг, как император мог обратить внимание на других? Неудивительно, что во время отбора он не придавал значения внешности — ведь просто невозможно было сравниться! Даже среди женщин, сколько найдётся таких, кто мог бы быть столь же прекрасен, сияющ и вечно молод, как императорский супруг?

Единодушно любопытство женщин переключилось с того, сможет ли императрица удержать своё место, на то, как императорский супруг сохраняет свою молодость.

Оуян не слышал мыслей женщин, но горящие взгляды, направленные на него с противоположной трибуны, не могли не привлечь внимания мужской половины.

Сам Оуян не придавал этому значения, но старики за его спиной не выдержали. Однако, учитывая прецедент с великим дворцовым собранием, они могли лишь ворчать что-то вроде «нравы падают» или «времена меняются».

К таким вещам Оуян привык уже более десяти лет назад, спокойно игнорируя их, оставаясь

невозмутимым.

По сравнению с взглядами спереди и ворчанием сзади, Оуян больше хотел пожаловаться на саму «трибуну для зрителей».

Так называемая «трибуна» представляла собой просто деревянные доски, покрытые красным ковром, под которыми лежали нагретые камни, чтобы ноги зрителей не замерзли от холодной земли. Высота трибуны была практически нулевой — нынешние правила гласили, что только император мог занимать самое высокое место, а театральные подмостки должны были находиться ниже уровня его взгляда, чтобы он видел макушки актёров, а не их подбородки. Кроме того, сегодня не было церемонии поклонов — в наши дни поклоны были частью самых торжественных ритуалов, таких как коронация или великое дворцовое собрание. В обычные дни чиновники, встречая императора, лишь кланялись, не опускаясь на колени. На трибуне также не было ни стульев, ни подушек, что явно указывало на то, что все должны были стоять с начала до конца.

Конечно, это же жертвоприношение — император будет стоять с начала до конца, так какое право у вас, чиновников и знатных дам, сидеть и наблюдать? Кроме того, сегодняшнее жертвоприношение изначально не было обязательным — разве вы не видели, что император разослал приглашения, а не указы? Те, кто не хотел страдать, могли просто не приходить!

Что касается того, осмелился ли кто-то отказаться от приглашения императора, это никогда не было вопросом, который император должен был учитывать.

В полдень процессия Ци Юньхэна вовремя появилась на длинной дороге у входа на Алтарь Солнца.

С ним были четверо детей — два принца и две принцессы, которые шли в порядке возраста: сначала два принца, затем две принцессы.

Четверо детей сошли со своих паланкинов вместе с отцом, которого они видели лишь несколько раз в году, и пешком прошли на Алтарь Солнца.

Алтарь Солнца был одним из трёх мест для жертвоприношений во дворце, расположенным на вершине холма к востоку от императорского дворца, в противоположность Алтарю Луны, находящемуся в долине на западе. Как следует из названия, Алтарь Солнца использовался для дневных жертвоприношений, а Алтарь Луны — только ночью, и они имели совершенно разные значения и предназначения. Оставшееся место для жертвоприношений — это Храм предков, который служил родовым храмом императорской семьи, куда могли входить только прямые потомки императора.

Когда Ци Юньхэн с детьми занял своё место на Алтаре Солнца, придворные музыканты, уже расставленные вокруг алтаря, заиграли на колоколах и барабанах, а чиновник из Министерства церемоний громко провозгласил:

— Жертвоприношение начинается!

Эта часть полностью контролировалась Министерством церемоний, и процесс был несколько странным — с первого взгляда он напоминал церемонию поклонения Небу и Земле, но при более внимательном рассмотрении казался больше похожим на молитву о дожде.

Неосведомлённые зрители были всё больше сбиты с толку, не понимая происходящего, а те, кто изначально не хотел выходить на холод, начали в сердцах ругать императора: «Совершенно

бессмысленно!»

Только когда начался второй этап жертвоприношения и Шэнь Чжэньжэнь спокойно вышел на сцену, зрители у алтаря взбодрились, увидев это молодое и незнакомое лицо.

Шэнь Чжэньжэнь был явно тщательно подготовлен, совсем не так, как его обычно описывал Ци Юньхэн. На нём был изысканный даосский халат, белый внутри и синий снаружи, волосы были аккуратно собраны в пучок, украшенный простой, но элегантной заколкой из зелёного нефрита. Его лицо было настолько правильным, что, кроме молодости и отсутствия бороды, в нём не было ничего, что можно было бы критиковать.

Но он явно не принадлежал к Министерству церемоний, ведь чиновники Министерства церемоний никогда не носили даосские халаты. Зрители взбодрились по двум причинам — одни просто хотели узнать, зачем этот человек здесь появился, другие же уже начали думать о том, что это может быть лжедаос, соблазняющий императора, и беспокоились, что Ци Юньхэн в таком возрасте уже увлёкся поисками бессмертия.

Однако Ци Юньхэн не стал объяснять зрителям, кто этот «лжедаос» с таким праведным лицом, а просто пригласил его на алтарь, а затем вынес длинный стол, на котором разместил пять нефритовых блюдец — одно большое и четыре маленьких.

Шэнь Чжэньжэнь не стал, как обычные даосы, доставать меч из персикового дерева и бесноваться на сцене. Вместо этого он серьёзно поклонился вместе с семьёй Ци Юньхэна Небу, Земле и Красному Солнцу, а затем вернулся к длинному столу и занял своё место.

Императорская семья также выстроилась в ряд по другую сторону стола, Ци Юньхэн в центре, принцы и принцессы по бокам.

Когда Ци Юньхэн занял своё место, Шэнь Чжэньжэнь достал серебряную иглу, поднял её высоко над головой, так что кончик иглы засверкал в полуденном солнце, как звезда в дневное время, а затем взял левую руку Ци Юньхэна, убрал иглу и проколол кончик его указательного пальца.

На обеих трибунах раздались возгласы, но вокруг алтаря и возле трибун стояла императорская стража. Как только зрители начали проявлять беспокойство, стражи сразу же нахмурились, используя свою суровость, чтобы «подавить» их, не позволив подняться на алтарь и обвинить лжедаоса в нанесении вреда императору.

На алтаре Шэнь Чжэньжэнь уже выдавил каплю крови из раны Ци Юньхэна и капнул её на самое большое нефритовое блюдо. Затем он убрал иглу, сложил пальцы в заклинание и указал в воздух над блюдцем.

Раздался лёгкий звук, и капля крови на блюде вспыхнула красным пламенем, мгновенно образовав чёткий и яркий узор.

— Ци! — кто-то из чиновников, обладающих обширными знаниями, узнал этот узор.

Над блюдцем появился древний иероглиф «Ци». Этот иероглиф ярко светился в воздухе некоторое время, прежде чем исчезнуть, и зрители на трибунах невольно изменили своё мнение о «лжедаосе», задаваясь вопросом: «Может, он действительно обладает способностями?»

Способности, конечно, были.

Но слово «действительно» здесь не совсем уместно.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16203/1454548>